

Научная статья

УДК 81.13

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15409>

EDN: <https://elibrary/TSYKTS>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРЕЙМОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ДИВЕРГЕНЦИЯ И КОНВЕРГЕНЦИЯ

О.А. Сулейманова , А.В. Соколова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

 SouleimanovaOA@mgpu.ru

Аннотация. В работе анализируется корреляция двух широко распространенных исследовательских методологических подходов – с опорой на представление о языковой картине мира, с одной стороны, и на теорию фреймов – с другой. Актуальность обращения к рассматриваемой в работе теме обусловлена сосуществованием «конкурирующих» представлений – языковой картины мира и теории фреймов в методологической перспективе, причем оба подхода обладают высоким исследовательским потенциалом, однако системно эксплицитно не разведены, что представляется релевантным на настоящем этапе развития лингвистической науки. Цель статьи состоит в выявлении зон пересечения данных исследовательских инструментов, выявления вектора их функционала и в установлении границ их потенциала относительно друг друга. Экспланаторный потенциал фреймового подхода как исследовательской методики иллюстрируется на материале интерпретации категории метонимии, а также на выстраивании описания английского артиклевого актуализатора на основе именно фреймового анализа. Показано, что метонимия получает достоверное описание в свете фреймового подхода, который позволяет установить между объектами неслучайную связь, что и служит основанием метонимии. Фреймовый подход также позволяет решить актуальную проблему описания использования артикля за счет установления обязательности / необязательности элемента в составе фрейма. Исследование позволило уточнить познавательные установки и экспланаторный потенциал двух рассматриваемых методологических платформ. В работе также делается попытка привлечь исследовательский потенциал искусственного интеллекта, сделан запрос на определение принципов разграничения выбранных исследовательских платформ, не получивший в итоге исчерпывающего разъяснения.

Ключевые слова: языковая картина мира, фрейм, методология, фреймовый анализ, метонимия, артикль.

Для цитирования: Сулейманова О.А., Соколова А.В. Методологический потенциал фреймового моделирования и языковой картины мира: дивергенция и конвергенция // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409

RECONSIDERING FRAME ANALYSIS VS LINGUISTIC WORLDVIEW: CONVERGING OR DIVERGING?

O.A. Suleimanova , A.V. Sokolova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

 SouleimanovaOA@mgpu.ru

Abstract. The paper focuses on the distinctions between fundamental research approaches in linguistics, i.e., frame analysis and the linguistic map (picture) of the world, or the worldview and its objective is to determine where these two methodological perspectives converge and, vice versa, diverge. The explanatory potential of both approaches is analyzed with reference to metonymy and articles, that are researched in the frame analysis perspective, that helped to stretch the borderline between the two. The frame perspective is based on establishing non-random link between the elements of the frame and their connection with the nuclear, or framing element. As a result, cognition perspectives and explanatory potential of either of methodological approaches investigated are defined. The research potential of AI as regards defining the above distinction is tested, the direct request sent to ask about the distinction between the two was deemed unable to offer a plausible solution so far, which needs further experimenting.

Keywords: linguistic worldview, frame, frame analysis, methodology, metonymy, article.

Citation: Suleimanova O.A., Sokolova A.V., Reconsidering frame analysis vs linguistic worldview: converging or diverging?, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409

Введение

Как справедливо отметила Е.С. Кубрякова, лингвисты «все время возвращаются к обсуждению одних и тех же проблем, в силу чего нередко можно утверждать, что лингвистика топчется на месте» [1, с. 160]. Действительно, история лингвистических учений свидетельствует о том, что многие представления, возникшие сначала как общие утверждения, позже начинают привлекать внимание ученых, получают известное развитие уже на более глубоком теоретическом уровне, становятся топосами и общепризнанными методологическими положениями, интерес к которым время от времени то разгорается, то затухает.

В предлагаемой работе рассматриваются два таких методологических топоса. К числу первых можно отнести введенное еще Л. Вайсгербером представление о языковой картине мира (ЯКМ), согласно которому в языке заложены знания о внеязыковой действительности, о реальном и виртуальном мире, которые транслируются индивиду вместе с усвоением языка, например его словарного запаса [2]. Послание Л. Вайсбергера было услышано и подхвачено лингвистами, как методологическая основа оно получает отражение во многих работах (принято за основу и в настоящем исследовании), однако обратим здесь внимание на то, что при полном признании данного положения не всегда исследователи методологически экстраполировали его на анализ конкретного языкового материала, а именно: достаточно длительное время при описании, например, значения языкового знака (= фрагмента ЯКМ) лингвисты иногда сбивались на описание фрагмента реального мира, а не описывали то, как он представлен именно в ЯКМ. Например, при использовании модальной рамки *Говорящий считает, что P* возникает представление, что по сути говорящего опрашивали на предмет того, действительно ли он так считает, тогда как более корректна формулировка вида *Говорящий вносит информацию* без высказывания о том, что действительно думает говорящий. Например, в ситуациях комплимента (как и в принципе в условиях нарушения искренности говорящим, что часто имеет место в дискурсе вежливости) субъект может неискренне сказать *Ты замечательно это делаешь*, на самом деле относясь к деятельности адресата с высокой

степенью критичности, и в таком случае не представляется уместным говорить о том, что в действительности *считает* говорящий.

Иными словами, системный учет сетки ЯКМ и ее отграничение от мира действительности нуждаются по-прежнему в акцентировании, что составляет **актуальность** данной работы. Подчеркнем при этом, что подобно «бродячим сюжетам» значимые лингвистические и в целом гуманитарные представления возникают – часто независимо – и сосуществуют в рамках различных теорий. В качестве примера можно привести именно теорию ЯКМ и коррелирующую с ней идею Р. Джакендоффа [3] о спроецированных мирах – *projected world*, что фактически представляет языковую картину мира.

Далее, появление конкурирующих моделей лингвистического описания требует проведения демаркационных линий между сложившимися теориями (которые в сравнении с новыми получают часто новое измерение и тем самым и развитие) и сходными, но не тождественными представлениями, и эта задача также **актуальна**. Как отмечает Е.С. Кубрякова в этой связи, «признание одновременного существования нескольких течений не означает что у них нет точек соприкосновения» [1, с. 148]. Вообще для лингвистики свойственно такое положение дел, когда для описания языковых явлений имеет место обращение к различным аспектам явления, которые и получают описание в терминах различных парадигм и теорий, которые могут частично накладываться друг на друга. Как отмечает Е.В. Рахилина, в американской когнитивной семантике имеют место «живое многообразие и интересные поиски новых решений и новых задач – идущие, подчас, в разных направлениях» [4, с. 371], «разнообразие подходов внутри когнитивной парадигмы» [4, с. 372], которые взаимно обогащают друг друга, что, однако, не снимает необходимости соотносить экспланаторный потенциал данных теорий. Так, можно соотнести сходные по познавательным установкам европейскую теорию поля и известную теорию прототипов Э. Рош [5], как и многие другие теории, возникшие независимо на разных континентах. Как отмечает Н.Н. Болдырев, стремление интегрировать результаты частных научных изысканий в общую теорию с единой методологической основой всегда составляло сильную сторону отечественной лингвистики. Именно здесь автор видит перспективы развития современной лингвистической науки [6]. Причем речь идет скорее не о еще одном «модном» тезисе о междисциплинарности, а именно о попытках своеобразной триангуляции, когда соотносятся представления различных лингвистических теорий, что особенно важно, если речь идет о доминирующих направлениях. Установка демаркации принципиально важна именно в лингвистике как системе, работающей в формате «качественных полаганий» (А.Ф. Лосев), в отличие от точных наук. Так, ставится вопрос о соотношении фрейма, гештальта и образа в работе, где фрейм, например, интерпретируется как «концептуальная единица *статического* типа» [7, с. 32] (с чем сложно согласиться – см. об этом ниже), однако далее авторы приходят к выводу, что в нем комбинируется статическое и динамическое; гештальт понимается как более глубинная категория, частью которой является фрейм, а образ представляет собой объемную категорию, включающую аксиологическую и ассоциативную составляющую. Иными словами, на настоящем этапе развития лингвистики накопившееся знание в виде различных направлений потребовало установления корреляций между этими направлениями.

К одному из коррелятов теории ЯКМ можно отнести теорию, основанную на концепции фрейма, выдвинутую Ч. Филлмором [8] и М. Минским [9]. Ч. Филлмор полагает, что значения слов в сознании организованы в структуры знаний, хранящиеся в памяти человека. Совокупности слов формируют группы, каждую из которых предпочтительно изучать как единое целое, что позволяет проще понять их отдельные элементы. «Такие группы слов удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин *фрейм*» [8, с. 54]. Именно фрейм представляет набор смысловых связей, которые образуют основу для формирования вербальной структуры. При этом фрейм является

сложной системой, состоящей из субфреймов, его структура представляет собой некую сеть из узлов и отношений, выстроенных иерархически, его верхние уровни содержат обобщенную информацию о денотативной ситуации, и информация вершинного уровня всегда актуальна для данной ситуации. Слоты нижнего уровня позволяют создать некий целостный образ ситуации [9], причем часть из них исходно не идентифицирована специально, но автоматически восстанавливается, поскольку они составляют обязательные, неслучайные элементы фрейма и восстанавливаются автоматически. Например, это свойство фрейма позволяет ему успешно использоваться для описания эллиптических структур [10].

Представление о фрейме выглядит адекватно отражающим организацию системы знаний индивида, фреймовая семантика рассматривается как многоуровневая теория значения слова, как модель структурирования знания [11, с. 374]. На основе фреймового анализа выполнены многочисленные практические исследования, например использование фреймового анализа каламбура и выделение трех типов моделей, а именно: концептуальной интеграции фреймов, совмещения терминалов фрейма и расширения фокуса [12]. Исследуется система аудитивных глаголов немецкого языка [13]; и, соответственно, фреймовый анализ как исследовательский инструмент обладает высоким верифицирующим потенциалом (см. ниже его использование для анализа метонимии и употребления артикля). При этом «потенциал фрейма как одного из основных понятий когнитивной лингвистики используется к настоящему моменту далеко не полностью из-за тенденции считать их аналогами семантических и тематических полей» [14, с. 17] (продолжим, что и языковой картины мира). Автор полагает перспективным возвращение к первоначальному пониманию фрейма как ментальной матрицы, позволяющей создать методологические основания для конструирования сложных процессов вербализации (там же), и такой подход представляется убедительным, поскольку хорошо резонирует в представлении о динамичной модели фреймирования, которая принимается в настоящей работе (см. ниже).

Исследователи подчеркивают, что «фрейм — это структура знания и **инструмент** представления когнитивной структуры» [15, с. 124] (выделение наше. — *О.С., А.С.*). ЯКМ также позволяет выделить ее фрагменты с целью анализа, однако не предоставляет специального инструмента анализа языковых данных.

В настоящей работе анализируется сопряжение между данными сходными, но не тождественными методологическими инструментами и предложено уточненное описание их функционала, поскольку в ряде случаев остается неясным, как именно соотносятся ЯКМ, фрагмент ЯКМ и как он коррелирует с фреймом: ср., например, поставленную в диссертационном исследовании С.И. Ли задачу выявления закономерностей организации фрагментов ЯКМ на материале фреймов методом когнитивного моделирования ЯКМ¹, в котором, тем не менее, остается не вполне ясным, как соотносены фрейм / фреймовый анализ, когнитивное моделирование и ЯКМ и фрагменты ЯКМ. Возникает вопрос, есть ли возможность опираться только на одну из познавательных установок, обладает ли она полным экспланаторным потенциалом или все же комбинация обеих методологических систем позволяет получить более полное и достоверное описание?

Цель настоящей статьи состоит в выявлении дивергентных и конвергентных познавательных установок теории фреймов и ЯКМ, что будет иллюстрироваться при реализации задач исследования: показать их корреляцию на анализе ряда значимых для лингвистики явлений — метонимии и теории артикля.

Методика анализа

На первом этапе анализа возникает понятное в свете глобального интереса к нейронным сетям и их экспланаторному потенциалу искушение протестировать, как именно может ИИ² выстроить

¹ Ли С.И. Пропозиционально-фреймовое моделирование языковой картины мира в разноструктурных языках (на материале фреймов «мясо животного», «цвет», «ягоды», «грибы», «мышь»): дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2020. 254 с.

² Нейросеть Chat GPT на русском. URL: <https://gpt-chatbot.ru> (дата обращения 05.02.2024).

цифровой профиль (как совокупность имеющихся данных об объекте в цифровом формате) данных инструментов лингвистического анализа и пояснить разницу между этими двумя подходами. Отправим запрос в ChatGPT «В чем разница между фреймом и языковой картиной мира?», на который получим следующий ответ:

«Фрейм и языковая картина мира — это два понятия из области лингвистики и когнитивной науки, которые отражают способы, которыми люди организуют и интерпретируют информацию.

- Фрейм является структурой понимания, которая оформляет способ восприятия и интерпретации информации. Фреймы могут включать в себя знания, предположения, ожидания или стереотипы, используемые для организации нашего опыта и понимания мира.

- Языковая картина мира представляет собой способ, которым язык, на котором говорит человек, отражает его взгляды, ценности и понимание мира. Языковая картина мира влияет на то, как мы **воспринимаем и интерпретируем окружающую нас реальность** с использованием языка.

Таким образом, фрейм представляет собой **структуру когнитивного понимания**, в то время как языковая картина мира связана с влиянием языка на наше понимание мира и отражением этого понимания в языке» (выделение наше. — *О.С., А.С.*).

Здесь представляются значимыми следующие моменты: во-первых, в определениях имеются области пересечения в том смысле, что фрейм фиксирует когнитивную сторону понимания, тогда как ЯКМ фиксирует языковое выражение, однако указание на то, что ЯКМ влияет на восприятие и интерпретацию мира, в принципе частично покрывает зону «ответственности» фрейма; во-вторых, фреймирование, в свою очередь, также национально (= лингвистически) специфично, поскольку формирование фрейма основано на учете культурно-значимых факторов. Понятно при этом, что ценностная составляющая, например, выраженная в пословицах и поговорках, скорее принадлежит ЯКМ. Иными словами, в целом сформированные фреймы, отражающие фрагмент ЯКМ, строятся на сходных основаниях. Принципиальная разница между ними видится в том, что фрейм представляет инструмент избирательного моделирования, причем применительно к фрагменту ЯКМ — это методика анализа, тогда как в ЯКМ — скорее зафиксированная статичная модель репрезентации мира действительности. Иными словами, оба инструмента фокусируются на интерпретации фрагмента внеязыковой действительности, однако фрейм создается в значительной степени *ad hoc*, для решения задачи, что и свидетельствует о его динамичной природе.

Предлагаемое исследование, таким образом, основано на сопоставительном анализе интерпретаций анализируемых подходов, в том числе предлагаемых в системах искусственного интеллекта. Выдвигаемые положения иллюстрируются языковым материалом, который, в свою очередь, анализируется с опорой на лингвистический эксперимент, в ходе которого производится опрос информантов, а также в сетевом формате, когда приемлемость фразы определяется через запрос в системе Google.

Анализ корреляции фреймового подхода и теории ЯКМ

Поясним экспланаторный потенциал фрейма как облигаторно настроенного инструментария на установление **неслучайных** связей между объектами путем когнитивных операций на примере. Ср. фрейм, рассмотренный в работе Н.Н. Болдырева, «ТОРГОВАЯ СДЕЛКА», в котором «глагол *buy* (покупать) фокусирует внимание на покупателе и товаре, а глагол *sell* (продавать) — на продавце и товаре, при этом оба слота являются частью общего фрейма „торговая сделка“» [16, с. 29–30]). Ср. также сходный возможный фрейм «ДЕНЕЖНЫЙ ЗАЙМ», представленный английскими глаголами *borrow* — *lend*, когда «оба слота входят в один фрейм (или даже суперфрейм, если их рассматривать в качестве элементов разных, но взаимозависимых фреймов) „одолжить деньги“». Обратим внимание на то, что, как и всякий культурно-релевантный фрагмент действительности, он формируется на основе принятых в социуме представлений об этом фрагменте — например, для англосаксонского мира в ситуации одалживания (не только

денег) значимо обещание вернуть запрашиваемый объект, для чего создан и специальный глагол *to borrow*: *to borrow a book from the library, May I borrow your pen, please*, где говорящий обязуется вернуть книгу в библиотеку или ручку, что не принято в отечественной культуре, где точное описание ситуации заимствования необходимо преимущественно в установлении финансовых обязательств – *Можешь одолжить мне 100 рублей?* (при этом неприемлемо в библиотеке попросить книгу фразой *Могу я одолжить / взять в долг эту книгу?* Несколькими неестественно сказать также *Можешь одолжить мне ручку* и невозможно – **Можешь дать мне в долг ручку?* «Священные» отношения собственности в англосаксонском мире маркируются особым образом и в использовании, казалось бы, такого беспроblemного глагола, как *to collect*, который на самом деле при несколько более глубоком рассмотрении оказывается устроенным достаточно сложно, что отражено в том, что он представляет собой «ложного друга» переводчика. Так, можно сказать *to collect a child from school* и нельзя **собрать ребенка из школы*, поскольку в русском языке акт собирания предпринимается в том случае, когда объект предварительно представляет собой совокупность разрозненных частей, что нерелевантно для английского языкового сообщества, где нет такой пресуппозиции. Иными словами, англосаксонский фрейм, как и фрагмент картины реального мира (?), устроен иначе, что и отражено в его языковом оформлении. Фреймовый анализ академических дискурсивных практик в работе [17] также показывает культурно-ориентированное формирование фрейма, в том числе отраженное, например, в практиках защит исследовательских работ различного уровня.

Таким образом, ЯКМ фиксирует уже установившиеся связи, этнически и культурно обусловленные особенности языковой системы, составляющие важную часть национального менталитета. Данное представление хорошо коррелирует с теорией значения, акцентируя внимание на том, как именно концептуализируется в языке описываемый фрагмент действительности, а не на том, что именно представляет собой реальность. Тем самым производится четкое разграничение значения языковой единицы и ее денотата, позволяя говорящему не «сбиваться» на описание реальной действительности. Понятно при этом, что именно свойства описываемого объекта потенциально определяют класс денотации [18]. ЯКМ чрезвычайно востребована в сравнительных лингвокультурологических исследованиях, что способствует повышению экспланаторного потенциала данной теории.

Теория фрейма, напротив, представляет собой динамичный инструмент, основанный на принципе неслучайной связи [19], и в ходе фреймового анализа актуализируются когнитивные механизмы установления этой связи. В ряде случаев сложно даже увидеть ЯКМ-основания для интерпретации данных явлений.

Фреймовая организации метонимии

Рассмотрим в этой связи метонимию, которая, как отмечалось в работе О.А. Сулеймановой и Н.Н. Беклемешевой [20], основана именно на установленной неслучайной связи объектов. В работах ряда лингвистов часто предлагаются определения метонимии через указание на смежность соотносимых сущностей, причем не вполне ясно, что именно имеется в виду: так, объекты могут быть смежными в пространстве – например, чашка с чаем стоит на столе рядом (смежна) с компьютером, что не означает, что данные смежные объекты могут быть поименованы именем смежного объекта – компьютер назван чашкой чая, и наоборот. Или неясно в какой смежности и в каком смысле находятся предикаты прямого наименования и метонимические обозначения того же действия – *он шептал* и *он говорил шепотом*. Смежность может принимать различные формы – например, в случае с глаголами это либо причинно-следственная связь типа *P следовательно P1: he left – he is out*, либо обстоятельственная типа *he staggered across the room – He crossed the room staggering*. В области существительного пресловутая смежность обретает иные формы (причем именно субстантивная метонимия изучена лучше прочих метонимических переносов), равно как и в области прилагательного. Более точной интерпретацией метонимии можно считать

утверждение о том, что в ее основе лежит сеть *соответствующих* связей с исходными матрицами (“a web of appropriate connections to the input spaces” [21, p. 85]). Далее, следуя принципу «материальной адекватности» термина Дж. Лайонза, можно уточнить данное определение, введя указание на наличие *неслучайной* связи [20]. Иными словами, говорящий каждый раз «формирует» лингвоспецифичный фрейм, в пределах которого далее характеризует описываемый объект. При этом исследователи полагают, что метонимия как когнитивный инструмент познания может быть более фундаментальна, чем метафора (“metonymy is a cognitive phenomenon that may be even more fundamental than metaphor” [21, p. 1]), в частности по той причине, что метонимия представляет собой когнитивное явление, которое лежит в основе большей части нашего каждодневного опыта (“metonymy is a cognitive phenomenon underlying much of our ordinary thinking” [21, p. 2]), тогда как метафора – это чисто языковое явление [21, p. 21]. Метонимия возникает также в области синтаксиса – например, вспомогательные глаголы реализуют метонимический перенос *часть-целое*: (настоящее вместо привычного) *она говорит по-испански, он приезжает завтра* (актуальное вместо потенциального).

Иными словами, метонимия предлагает как ментальный доступ к одной концептуальной сущности через другую сущность, через концептуальную соположенность (“mentally accessing one conceptual entity via another entity, conceptual contiguity..”); “metonymy is a cognitive process in which one conceptual entity, the vehicle, provides mental access to another conceptual entity, the target, within the same idealized cognitive model” [21, p. 19, 21]) в пределах фрейма или сценария, или когнитивной модели.

Так, фрейм чае- или кофепития предполагает наличие заданной жидкости и сосуда, акторов данного процесса, а также установленных в социуме некоторых культурных традиций и др. Можно сказать *выпил чашку (чаю, кофе)*, но не **чашка бензина* или **бочка кофе* – в отличие от отмеченного *бочка пива*. «Сходным, неслучайным образом связаны материал и изделие из него – фраза *мой фарфор* в норме не предполагает любых фарфоровых изделий (например, куклы, элементов электропроводки для закрепления провода на стене) – очевидно, что речь может идти только о посуде» [22, с. 164]. Особый интерес вызывает слабо изученная предикатная переводческая метонимия, например на основе причинно-следственной связи типа действие-результат, причина-действие и др.: *he is up – он уже встал*, которые метонимически связаны и потому позволяют получить адекватное переводческое решение.

При этом в сфере предикатной метонимии, как представляется³, можно выделить два базовых типа метонимии: обстоятельственная и причинно-следственная, в основе которых лежат два различных когнитивных механизма (причем оба на основе общего фрейма). При обстоятельственной метонимии сопровождающий действие / событие признак (например, ходьбу может сопровождать прихрамывание, топот – но не смех или подметание пола) выступает репрезентантом всего действия – *он прохромал к окну / потопал к двери (*он просмеялся к двери)*. Этот признак не случайный – если он осознается как только окказионально «привязанный» к событию, возникает эффект образности – ср. *Он просвистел свое одобрение* (свистом обычно выражается скорее несогласие). Справедливо и обратное – так, выражение *he staggered across the street* может означать только перемещение (оно не может характеризовать, например, процесс принятия пищи). Обстоятельственный метонимический перенос принимает вид описания действия обычно через один из его признаков, например: скорость протекания – *мчатся*; тщательность выполняемого действия – *пристально разглядывать*; звуковые эффекты – *шептать* и др. Во втором – используются глаголы / глаголы в сочетании с различными частями речи, которые представляют описание способа выполнения какого-либо действия, например *с трудом протиснуться к двери (извиваясь всем телом)*.

³ Грамматические аспекты перевода: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов вузов / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова [и др.]. М.: Академия, 2010. 240 с.

Данную обстоятельственную модель можно представить в виде **Р'** вместо **Р**. Причинно-следственная метонимия реализует модель **Р1**, следовательно (= из-за) **Р2**. Иными словами, явление метонимии реализуется в рамках фрейма (одного домена), между обязательными элементами которого устанавливается связь.

Такая метонимия на основе актуализации различных элементов фрейма (сценария) системно представлена в межъязыковых корреляциях, когда одна денотативная ситуация (фрейм) представлена через различные, но неслучайно связанные признаки. Исследователи в связи с этим принимают понятие межъязыковой метонимии, если понимать метонимию как в большей степени когнитивный процесс, а не чисто языковой (как метафора).

Фреймовый анализ в описании использования артикля

Именно фреймовый анализ позволяет, например, описать употребление артикля в английском (и не только) языке, а именно задать фрейм и, выявив неслучайные для данного фрейма объекты, в единственном числе, без предупомянутости и др. использовать обозначение обязательного слота с определенным артиклем. Как представляется, ЯКМ в данном случае если и «участвует» в выборе артикля, она не производит когнитивную операцию выбора артикля. Ср. ситуацию студенческой аудитории, обязательными компонентами которой являются пол, потолок, окно(-а), устройства технического оснащения аудитории: компьютер, проектор, пульта управления, и др. Человек как физическая сущность имеет голову (в ней субфреймы нос, лицо, лоб, рот, волосы, подбородок и пр., но не горб или родинка – горбун, напротив, имеет горб как обязательный элемент, или бородач – бороду, усатый – усы и др.). Органы человека – кишечник, желудок, пищевод, селезенка и др. также мыслятся автоматически как обязательные элементы фрейма, например в ситуации полостной операции или определения анамнеза больного с жалобами на боли в животе.

Фрейм *авиаперелет* (фактически это сценарий, или динамический фрейм) имеет свои обязательные компоненты – салон самолета, питание, билет, регистрацию на рейс и др.

Таким образом, такие неслучайные слоты фрейма и составляют основу фреймовой структуры знания, которая затем эксплицируется в языке. В языке получают экспликацию прежде всего релевантные для данного лингвокультурного фрейма салиентные слоты: исследователи обращают внимание на то, что, например, для персонала больницы информация о заболеваниях пациента в норме более релевантна, чем прочие его свойства (“to the personnel in a hospital information about a patient’s ailments is in general more relevant than other attributes” [21, p. 12]), это становится наиболее важным элементом (“most salient element” [21, p. 20]). Следует обратить внимание на то, что в фокус коммуникации может помещаться вполне факультативный компонент, который создает новый фрейм: например, фрейм «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПЕШКОМ» при его реализации хромым индивидом помещает в фокус (salience) хромоту при перемещении.

Подчеркнем, что фрейм отражает данную ситуацию объективно, хотя и содержит некоторое селективное знание о ситуации, он пропускает ее через (языковое) восприятие и языковую презентацию.

Таким образом, имплицуемая неслучайная связь объектов в рамках фрейма обуславливает использование говорящим определенного артикля с обозначениями объектов, являющихся обязательными и – часто – единственными в данной ситуации.

Иными словами, говоря о фреймовой структуре знания и формировании фреймов, говорящий вычленяет салиентную для целей коммуникации селективную информацию на основе знаний об актуальном для него в данный момент фрагменте действительности, акцентируя когнитивный процесс выбора, и далее облакает ее в виде фрагмента ЯКМ. Это означает, что при выборе вектора анализа исследователь, следуя онтологическому принципу, через интерпретацию мира идет от содержания к форме или может идти практически по пути семасиологического подхода от формы (сложившейся ЯКМ с ее способами отражения реального мира, также селективно национально организованной).

Заключение

Активно разрабатываемые в современной лингвистике сходные методологические инструменты – ЯКМ и теория фреймов, как показывает специальный анализ, действительно вскрывают значимые для интерпретации языковых явлений когнитивные механизмы и значительно совпадают, но отличны по своим познавательным установкам, что по всей видимости позволяет считать их взаимоисключающими исследовательскими представлениями в том смысле, что введение одного из них означает выбор исследовательской перспективы и не предполагает симбиоз перспектив. Иными словами, исследователь работает либо в рамках одной из данных теорий, либо в другой. Перспективу анализа соотносимых, но не тождественных методологических установок может составить изучение иных системных корреляций, например, теории поля, разрабатываемой на основе отечественной и в целом европейской исследовательской традиции, с теорией прототипов Э. Рош [5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: сборник статей / ред. Ю.С. Степанов. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
2. **Weisgerber J.L.** Muttersprache und Geistesbildung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. 170 S.
3. **Jackendoff R.** Semantics and cognition. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 283 p.
4. **Рахилина Е.В.** Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: УРСС, 2002. С. 370–390.
5. **Rosch E., Lloyd V.B.** Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.
6. **Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.** Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов: Принт-Сервис, 2020. 328 с.
7. **Ван Чжицян, Дашинимаева П.П.** Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 29–40. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40
8. **Филлмор Ч.** Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
9. **Минский М.** Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281–309.
10. **Давыдова М.М.** Роль фрейма при интерпретации эллиптических высказываний // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 6 (132). С. 149–153.
11. **Болдырев Н.Н.** Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.
12. **Шмелева Е.С.** Фреймовые модели каламбура в интернет-мемах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 9 (838). С. 173–183.
13. **Хантимиров С.М.** Фреймовый анализ семантики немецких глаголов слуха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 6. С. 1843–1848. DOI: 10.30853/phil20230294.
14. **Беляевская Е.Г.** Фрейм? Фрейм... Фрейм! // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 17–24.
15. **Сорокина Т.С.** Событийный фрейм как когнитивная схема метафоризации (на материале английских результативных и нерезультативных конструкций) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3 (871). С. 123–128. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_123
16. **Болдырев Н.Н.** Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

17. **Водяницкая А.А.** Лингвистическая аксиология академического дискурса в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 157–161.
18. **Селиверстова О.Н.** Труды по семантике. М.: Языки славянских культур, 2004. 960 с.
19. **Сулейманова О.А.** Когнитивный сценарий реализации категории определенности в практике использования английского артикля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Т. 20, № 2. С. 334–347. DOI: 10.21638/spbu09.2023.208.
20. **Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н.** Основы языковой категоризации мира: пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 87–92.
21. **Panther K.U., Radden G.** Metonymy in Language and Thought. Amsterdam: John Benjamins, 1999. 410 p.
22. **Сулейманова О.А.** Фреймовая структура знания как основа лингвистических решений // Вестник ЗКГУ. 2013. № 4 (52). С. 162–168.

REFERENCES

- [1] **Kubryakova Ye.S.**, Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (experience of paradigm analysis)], *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science at the end of the 20th century, a collection of articles, ed. by Yu.S. Stepanov, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 1995, pp. 144–238.
- [2] **Weisgerber J.L.**, *Muttersprache und Geistesbildung*, Vandenhoeck & Ruprecht, G ttingen, 1929.
- [3] **Jackendoff R.**, *Semantics and cognition*, MIT Press, Cambridge, MA, 1983.
- [4] **Rakhilina Ye.V.**, *Osnovnyye idei kognitivnoy semantiki* [The main ideas of cognitive semantics], *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamentalnyye napravleniya* [Modern american linguistics: fundamental directions], URSS, Moscow, 2002, pp. 370–390.
- [5] **Rosch E., Lloyd B.B.**, *Principles of Categorization, Cognition and Categorization*, Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, 1978, pp. 27–48.
- [6] **Boldyrev N.N., Grigoryeva V.S.**, *Dominantnyy printsip i integrativnost formata rechevogo vzaimodeystviya v dialogicheskom diskurse* [Dominant principle and integrativity of speech interaction format in dialogic discourse], Print-Servis, Tambov, 2020.
- [7] **Van Chzhitsyan, Dashinimayeva P.P.**, *Frame, Gestalt and Image: Equivalence or Contiguity of Categorization?*, *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 20 (2) (2022) 29–40. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40
- [8] **Fillmore Ch.**, *Frames and the semantics of understanding*, *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 23, *Kognitivnyye aspekty yazyka* [Cognitive aspects of language], Progress, Moscow, 1988, pp. 52–92.
- [9] **Minsky M.**, *Jokes and the logic of the cognitive unconscious*, *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 23, *Kognitivnyye aspekty yazyka* [Cognitive aspects of language], Progress, Moscow, 1988, pp. 281–309.
- [10] **Davydova M.M.**, *The role of frame in the interpretation of elliptical utterances*, *Izvestiya of St. Petersburg State University of Economics*, 6 (132) (2021) 149–153.
- [11] **Boldyrev N.N.**, *Language and the System of Knowledge, A Cognitive Theory of Language*, LRC Publishing House, Moscow, 2018.
- [12] **Shmeleva Ye.S.**, *Pun-forming frame models in internet memes*, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9 (838) (2020) 173–183.
- [13] **Khantimirov S.M.**, *Frame analysis of the semantics of German verbs of hearing*, *Philology. Theory & Practice*, 16 (6) (2023) 1843–1848. DOI: 10.30853/phil20230294
- [14] **Belyayevskaya Ye.G.**, *Frame? Frame... Frame!*, *Cognitive Studies of Language*, 4 (47) (2021) 17–24.
- [15] **Sorokina T.S.**, *Event Frame as Cognitive Schema of Metaphorisation (English resultative and non-resultative constructions)*, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3 (871) (2023) 123–128. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_123
- [16] **Boldyrev N.N.**, *The conceptual space of cognitive linguistics*, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (2004) 18–36.

[17] **Vodyanitskaya A.A.**, Lingvisticheskaya aksiologiya akademicheskogo diskursa v svete kognitivno-diskursivnoy paradigmy [Linguistic axiology in the framework of cognitive approach], *aniya yazyka, Cognitive Studies of Language*, 3 (50) (2022) 157–161.

[18] **Seliverstova O.N.**, *Trudy po semantike [Works on semantics]*, Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2004.

[19] **Suleymanova O.A.**, Category of definiteness in cognitive framing in the use of English definite article, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 20 (2) (2023) 334–347. DOI: 10.21638/spbu09.2023.208

[20] **Suleymanova O.A., Beklemesheva N.N.**, *Osnovy yazykovoy kategorizatsii mira: prostranstvo, vremya, prichinnost i printsip nesluchaynoy svyazi [The rationale of the worlds categorization in the language: space, time, reason and the principle of nonrandom links]*, *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Vestnik of Irkutsk State Linguistic University]*, 3 (2009) 87–92.

[21] **Panther K.U., Radden G.**, *Metonymy in Language and Thought*, John Benjamins, Amsterdam, 1999.

[22] **Suleymanova O.A.**, Frame structure of knowledge as a basis for linguistic decisions, *Bulletin WKSU*, 4 (52) (2013) 162–168.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Сулейманова Ольга Аркадьевна

Olga A. Suleimanova

E-mail: SouleimanovaOA@mgpu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

Соколова Ангелина Вячеславовна

Angelina V. Sokolova

E-mail: Angelina.V.Sokolova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5855-7408>

Поступила: 15.10.2024; Одобрена: 30.11.2024; Принята: 06.12.2024.

Submitted: 15.10.2024; Approved: 30.11.2024; Accepted: 06.12.2024.